

УДК 94(47)

Белов А.В.

Институт российской истории РАН (г. Москва)

**СУКОННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАЗЕННЫХ КРЕСТЬЯН
НА ТЕРРИТОРИИ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 80-е – 90-е ГГ. XVIII В.**

A. Belov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**CLOTH INDUSTRY OF STATE PEASANTS ON THE TERRITORY OF MOSCOW
AND MOSCOW PROVINCE IN THE 80S-90S OF THE XVIIITH CENTURY**

Аннотация. Работа посвящена неудавшейся попытке правительства привлечь для обслуживания армии частные производства казенных крестьян — владельцев суконных мануфактур. Полученный в ходе исследования материал позволяет проанализировать особенности и уровень развития производства на территории пригородов Москвы и в Московской губернии во второй половине правления Екатерины II, а именно: выявить такое сложное явление в организации городского пространства, каким являлись промышленные пригороды больших городов, проследить распространение хозяйственной специализации в рамках замкнутого региона, отметив отличительные особенности развития промышленности, присущие противоречивому дореформенному периоду.

Ключевые слова: Московская губерния, казенные крестьяне, крестьянские мануфактуры, процесс промышленного производства, сукноткачество.

Abstract. The work is devoted to the unsuccessful attempt of the government to get state peasants' private manufactories involved in servicing the army. The material received during the research enables to make the analysis of the features and level of cloth production development on the territory of the outskirts of Moscow and Moscow province in the second half of Ekaterina II's reign. That is: to describe such complex phenomenon of city space arrangement as industrial outskirts of large cities; to trace the spread of economic specialization in an enclosed region; to mark the peculiar features of industrial development which characterized the contradictory pre-reform period.

Key words: Moscow province, state peasants, peasants' manufactories, process of industrial production, cloth production.

Развитие российской промышленности в период нового времени давно является излюбленной темой историков. Однако работы, выполненные в данном направлении, отмечают в первую очередь общие черты и тенденции, упуская из-за крупномасштабности своих задач вопросы реализации процессов «на местах». Особенно это характерно для дореформенного периода, предшествующего эпохе становления земств и возникновения земской статистики, давшей первые крупные комплексы документов применительно к отдельным регионам. До того ощущается крайняя нехватка источников.

Впрочем, ни малочисленность документальных свидетельств, ни склонная к глобальности историографическая традиция отечественной исторической науки не должны стать причиной отказа от изучения протекания процессов в рамках отдельно взятого края. Именно в рамках специфики конкретного места и времени наиболее хорошо заметны внутренние причины общегосударственных процессов, их характер, содержание и сама возможность реализации на практике.

Состояние одного из центральных видов мануфактурного производства Московской губернии — ткачества (точнее, той его части, которая находилась в руках «казенных» крестьян) обстоятельно описано в записке губернатора Петра Лопухина. Составленная в ноябре 1791 г., она была подготовлена непосредственно для императрицы Екатерины II, являясь ответом на ее личный указ от 3 ноября 1791 г., не сохранившийся в составе Полного собрания законов¹. В нем Екатерина предписывала губернатору выявить численность и производственные возможности «казенных» крестьян Московской губернии, «которые упражняются в сукноткании в жилищах своих в свободное от хлебопашества время»².

Согласно «Высочайшей Монаршей» воле губернатор должен был не только провести (как бы мы сказали сегодня) «мониторинг ситуации», но и обязывался императрицей лично встретиться с крестьянами-хозяевами предприятий и в ходе разговора разъяснить «все выгоды, какие они получить могут»³ от сотрудничества с государством. Главной задачей сановника было убедить предпринимателей продавать произведенное ими сукно в московский комиссариат, «дабы они вырабатываемые сукна чтобы не залежались и для скорейшего оборота в капитал за настоящую цену продавали на наличные деньги... суровая или крашенная, кто такие иметь будет». При этом согласившимся были обещаны льготные условия: полное отсутствие бюрократических проволочек («без малейшей задержки и без всяких приказных обрядов»)⁴ и расчет «на наличные деньги»⁵. Данные гарантии объявлялась фактически от лица самой императрицы, как об ее «Матернему... о пользе всех подданных попечению»⁶.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. — Т. 23. — № 16995-16996.

² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

Круг опрошенных заводчиков ограничивался «казенными» (то есть не частновладельческими) крестьянами Московской губернии. Подобная (и надо заметить, далеко не традиционная) акция представителей высшей части аппарата империи была вызвана не просто желанием умножить число сукна, находящегося в распоряжении правительства и идущего на обмундирование армии (отсюда и предписание обращаться в комиссариат). Ситуация была много сложнее. Производство сукна, налаженное Петром I, в начале 1760 г. было оставлено без какой-либо государственной поддержки и в итоге пришлось к упадку. В результате этого возникла острая нехватка материала для обмундирования войск [2, с. 243-244]. Решение данной задачи за счет помещичьего производства по понятным причинам в правление Екатерины II было невозможно. Поэтому государство принялось искать иные возможности для разрешения возникшей проблемы.

К отчету была приложена «краткая ведомость», содержащая, вопреки своему названию, достаточно основательную характеристику положения дел в рассматриваемой области. Это позволяет дать обстоятельную картину положения дел в рассматриваемой области.

В соответствии с имеющимися в источнике данными суконные мануфактуры «казенных» крестьян локализовались в четырех различных частях Московской губернии. При этом бесспорное господство среди них принадлежало предприятиям московского пригорода. Именно здесь функционировали крупнейшие заведения края, находившиеся в управлении «казенных» крестьян.

Большой и активно развивающийся город неизменно формирует вокруг себя радиус территорий, тесно сопряженных с ним в хозяйственных и иных типах отношений [7, с. 33-34]. Это в полной мере относится и к Москве девятнадцатого столетия [4, с. 132-151], вокруг которой существовал полуофициальный радиус сельских «московских пригородов» и «подгородных поселений», признанных и описанных мос-

ковскими статистиками второй половины XIX в. [1, с. 28]

К группе предприятий, базировавшихся в пределах московского пригорода, относились мануфактуры трех поселений: двух сел (Семеновского и Покровского) и одной слободы (Даниловской). Первое из сел находилось непосредственно на линии фискальной границы города Москвы — черте Камер-коллежского вала. О его существовании напоминает сохранившиеся до наших дней улица Семеновский вал и Семеновская площадь.

К северу от села Семеновского и несколько ближе к границам города стояло второе село, упоминаемое в документе — Покровское (если быть более точным — Покровское-Рубцово). Его превращение в промышленный и торгово-ремесленный пригород Москвы пришлось как раз на годы правления Екатерины II [3, с. 101].

Земли Даниловской слободы также располагались вплотную к отрезку Камер-коллежского вала (ныне улица Даниловский вал), проходившего к югу от центра города.

Всего на территории трех подмосковных поселений было зафиксировано семь предприятий, принадлежавших «казенным» крестьянам. Единственная мануфактура, функционировавшая в селе Покровском, принадлежала московскому купцу Ивану Щурову.

В Даниловской слободе работало три предприятия, каждое из которых находилось в собственности одного из трех московских купцов: Василия Киреева, Ивана Иванова и Алексея Веревкина¹.

В селе Семеновском документ также зафиксировал три предприятия. Одно из них было записано за неким Герасимом Никитиным. Отсутствие в данном случае указания на принадлежность предпринимателя к купеческому сословию, по-видимому, означает его крестьянский статус. У других предприятий документ указывает сразу по два владельца: «полковника Василья Шереметьева и крестьянской жены Анны Устиновой», «генерала порутчика Ивана Ивановича Голохвостова и

крестьянской женки Настасьи Бутыриной». В глаза бросается совместное владение мануфактурой дворянами-офицерами (причем в весьма значительном звании) и крестьянами. Участие представителей благородного сословия в создании примысленных предприятий [6, с. 129] вместе с предпринимателями из крестьян и купцов не было редкостью. Интерес вызывает другое — со стороны последних выступают женщины. Данное обстоятельство дает возможность если и не переоценить, то, во всяком случае, несколько уточнить роль женщины-крестьянки в социальной и экономической жизни России конца XVIII в.

Промышленные заведения производили несколько видов сукон, ранжирующихся по качеству: на товары «перваго сорта», «второго сорта», «ниских сортов»; по типу обработки: на «суровое»; и, вероятно, другие, не упомянутые в тексте источника типы.

Также ткани отличались по цвету. Для окрасивания в основном использовались красные, синие и зеленые цвета.

Производственные мощности предприятий заметно различались. Так, покровская мануфактура московского купца Ивана Щурова имела всего 2 стана и красильню. Семеновская, полковника Шереметева и крестьянки Устиновой — 6 станов. Предприятие Голохвостова и Бутыриной — 7 станов. Три мануфактуры, расположенные в Даниловской слободе, располагали 13, 16 и 16 станов. При этом большинство мануфактур имели собственные красильни².

Объемы производства в год на одном из крупнейших предприятий этой группы (Василия Киреева в Даниловской слободе) составлял до 10000 аршин крашенного сукна шириною в аршин и 14 вершков. У его соседа купца Ивана Иванова, обладавшего теми же производственными мощностями, выход продукции достигал 16000 аршин «в указную ширину»³ — крупнейший показатель среди всех предприятий московского пригорода. При этом четко установленного размера сукна не было. «Образцы» могли быть как «ко-

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45-45об.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45-46об.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45об.

миссариатские», так и собственные купеческие. В ряде случаев размеры тканей даже не оговаривались.

О скорости мануфактурного производства можно судить по заверению московского купца Ивана Иванова (Даниловская слобода), обещавшего за четыре месяца произвести и представить «в готовности крашеного сукна синяго 3000; зеленого 2000; красного 1000, итого 6000 аршин»¹. Таким образом, имея 16 станов и собственную красильню, он был в состоянии в течение одного месяца получить с одного стана 94 аршин сукна, и сразу же его окрасить.

Показательно, что на трех предприятиях из семи отсутствовал готовый к продаже товар². Причем, несмотря на период глубокой осени (а следовательно, присутствие рабочих рук), достаточные технические возможности, наличие (скорее всего) непрерывного в это время процесса производства. Данное обстоятельство указывает на существование постоянного спроса на продукцию суконных мануфактур, которая не залеживалась на складах крестьянских промышленных заведений. Это обстоятельство также косвенно подтверждается откровенно высказанной незаинтересованностью ряда мануфактуристов в сотрудничестве с комиссариатами.

Стоимость ткани, по которой производители готовы были предложить ее государству, различалась. Цена зависела от качества как сукна, так и его покраски, размера «половинки», а также цвета. К примеру, рулон, произведенный на мануфактуре купца Щурова, стоил от 24 рублей. Суровое сукно мануфактуры Шереметева-Устиновой — 20 рублей. При пересчете цены на аршины самой дорогой «отрез» был соткан и окрашен на мануфактуре московского купца Василия Киреева в Даниловской слободе (1 рубль 20 копеек)³. На мануфактуре Голохвастова-Бутыриной (село Семеновское) были готовы продавать «первого сорта крашеное аршин по 1 рублю и 10 копеек. А белое по 1 рублю. Второго сорта

шириной в один аршин и четыре вершка крашеное по 85 и 80 копеек»⁴.

Процесс производства, и особенно окраски, был крайне тяжел и вреден. Описание работы в мануфактуре сохранилось благодаря усилиям известного литератора и бытописателя конца XIX в. П.Д. Боборыкина. В одном из своих наполовину художественных, наполовину документальных романов он так описал атмосферу, царившую во время варки и окраски шерсти: «Они вошли в помещение, где лежали груды грязной шерсти. Воздух был насыщен жирными испарениями. В чанах прела какая-то каша и выходила оттуда в виде чистой желтоватой шерсти... Заглянули и туда, где печи и котлы. Тасе жаль сделалось кочегаров. Запах масла, гари, особый жар, смешанный с парами, обдал ее... У одного кочегара ворот рубашки был расстегнут и ноги босые. «Так легче! — Сострила Любаша. — Добровольная каторга, — прибавила она громко» [5, с. 313-314]. Помимо тяжелой атмосферы, влияющей на легкие, красильщики постоянно страдали от болезней кожи в виде различных экзем⁵.

Кроме трех пригородных поселений, определенное участие «казенных крестьян» в деле «сукнотканья» наблюдалась также в трех местах Московской губернии: «Московской округе» — 25 станов, «Серпуховской» — 7 станов и в «Дмитровский» — 32 стана⁶. Несмотря на заметный территориальный разброс, все они обладали одним общим и весьма важным качеством: никто из данной группы крестьянских производителей не был самостоятелен. Абсолютно все напрямую зависели от московских купцов, которые передавали им шерсть для производства. Более того, и сама это обработка осуществлялась на станах, предоставленных московскими заводчиками. В частности эта форма была присуща всем крестьянам-ткачам «Дмитровской округи»⁷.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45об.

⁵ Центральный исторический архив Москвы. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1255. Л. 12.

⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 46-46об.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 46-46об.

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45об.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45об.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 45об.

Крестьяне не могли самостоятельно купить сырье, не имея для этого никакого капитала. По сути, они выступали только как наемные работники рассеянной мануфактуры, получая за свой труд сдельную оплату: «от половинки по 7 ру[бля] 50 ко[пеек] и по 8ми ру[блей] смотря, по доброте сукон» в «Московской» и «Серпуховской округах»¹; и «по 3 ру[бля] 50 ко[пеек] и по 4 ру[бля] с половинки» в «Дмитровской»².

Зависимость и безденежье были столь заметным явлением среди крестьян-суконщиков, проживавших за пределами московских пригородов, что делали самостоятельное производство здесь попросту невозможным, превращая его в продолжение «пригородной» промышленной зоны Москвы. Показательно, что главным условием сотрудничества с комиссариатом, высказанным крестьянами, проживающими на более-менее значительном удалении от границ Москвы, было получение от государства или субсидий на покупку материалов или уже готового сырья³.

Таким образом — все текстильное производство «казенных крестьян» в рамках Московской губернии было жестко завязано на Москву и ее купечество, представляя собой продолжение московских городских и пригородных суконных мануфактур.

Выполнив порученное ему задание, губернатор подробно описал императрице, с каким безмерным чувством благодарности выслушали крестьяне-мануфактуристы августейшие просьбы и пожелания. Согласно тексту отчета (и в соответствии с правилами составления подобных бумаг) присутствовавшие на встрече крестьяне «по выслушании Сего, изъяснив чистейшия чувствования всеподданнейшей благодарности, все единоголосно объявили, что они к размножению сукноткательных станов приложат возможное старание и вырабатываемые сукна в казну преимущественно пред прочими продавать желают».

На деле реальность не была столь уж бла-

гостной и верноподданнической. Целый ряд мануфактуристов заявили категорическое нежелание сотрудничать с комиссариатом («впредь ставить отрывается за обязательством комиссариатом»), т. к. «почитали» это «для себя отяготительным»⁴.

Причина отказа крестьян-мануфактуристов кроется, по-видимому, в экономически устойчивом положении налаженного ими производства. Как видно из материалов дела, «сукноткачество» экономических крестьян Московской губернии было построено на рыночных началах и пользовалось спросом. Даже зависимые и безденежные крестьяне-ткачи из окрестностей Дмитрова отказывались поставлять сукно армии, т. е. фактически государству по личному (!) предложению самой императрицы («в комиссариат ставить не желают»⁵).

Несмотря на наличие нескольких регионов производства сукна силами казенных крестьян, особую роль в этом процессе играли предприятия, расположенные в пределах формирующегося московского пригорода, наличие которого станет одной из важных черт в жизни и структуре «первопрестольной» столицы уже в конце XIX в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Левицкий В.А. История пригородов Москвы, их санитарное состояние, заразная заболеваемость и население // Экономическо-статистический сборник. Вып. I. — М., 1911. — С. 18-46.
2. Певзнер И.В. Суконная промышленность России на рубеже XVIII — XIX вв. и экономическая политика правительства // Исторические записки. Т. 102. — М., 1978. — С. 223-254.

Литература:

3. Аверьянов К.А. История московских районов: энциклопедия. — М.: «Издательская группа АСТ». — 2005. — 830 с.
4. Белов А.В. Москва, московские пригороды, пригородные поселения: интеграция пригородных поселений в урбанистическую структуру Москвы во второй половине XIX — начале XX века. — М.: Папирус ПРО, 2005. - 182 с.

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 46-46об.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 46об.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43. Л. Л. 46-46об.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 43.

⁵ РГАДА. Ф. 16. Д. 580. Л. 43. Л. Л. 46об.

5. Боборькин П.Д. Китай-город. — М.: Краснодарское книжное издательство, 1956. — 384 с.
6. Корелин А.П. Дворянство и торгово-промышленное предпринимательство в пореформенной России (1861-1904 гг.) // Исторические записки. Т. 102. — М., 1978. — С. 91-173.
7. Репина Л. П. Город, общество, цивилизация: историческая урбанистика в поисках синтеза // Город как социокультурное явление исторического процесса. — М.: Наука, 1995. С. 32-38.